

— На соискание
Ленинской премии

МУЗЫКА ДЛЯ БАЛЕРИНЫ

Юная выпускница Московского хореографического училища, еще не переступившая порог школы, получила дебют на сцене Большого театра. Редко, но такое бывает. Но чтобы дебют ученицы стал событием, этого, пожалуй, не случалось со времен Марины Семеновны. Наталья Бессмертнова в «Шопениане»...

То, что проглянуло в Бессмертновой еще в школьные годы, не пропало, не потерялось со временем (увы, и так бывает!), не обмануло надежд, на нее возлагавшихся.

Мечты об идеале различны. Одним Н. Бессмертнова видится образцом романтической танцовщицы. Ее Жизель заставляет замирать сердце зрителя. Хрупкая ли воздушность Бессмертновой, особая ли, ни на чью не похожая пластика так подходит к старому романтическому балету? Умение ли светлый «шопеновский мотив» превратить в драматическую новеллу о красоте и мудрости человеческого чувства? За исполнение партии Жизели Бессмертнова получила в Париже премию Анны Павловой.

Другие считают балерину словом созданной для современной хореографии. И не случайно за исполненные в последнее время ведущие партии в балетах «Ромео и Джульетта» и «Золотой век» Н. Бессмертнова выдвинута на соискание Ленинской премии.

Но, право же, когда смотришь спектакль с ее участием, уже все равно, какого он стиля, так велико наслаждение от ее искусства, от эмоциональной заразительности прекрасного танца. И,

станцевав Жизель, Одетту, Китри — лучшие партии классического репертуара, выступив в «Легенде о любви», «Спартаке», «Иване Грозном», балерина с неопровержимой убедительностью доказала, что и строгая пластика, и острота современной пластики одинаково ей подвластны.

С первых же выступлений Н. Бессмертнова не была обижена вниманием критики и специалистов, и трудно было бы упрекнуть их даже за избыточные сравнения — так уникально дарование балерины.

Но что-то в неуловимой магии ее искусства все-таки ускользает, не поддается определению. Что-то потаенное, тревожное, глубоко скрытое в душе балерины, что лишь отчасти оживает в ее танце, то печально - просветленном, то отрешенно-замкнутом...

Канонические движения самых прославленных балетных партий Бессмертнова наполняет высоким напряжением поэзии и чувства, и оттого танец часто кажется импровизационным, рожденным на глазах зрителя и только для него. Пожалуй, лучше всего характер дарования Бессмертновой определил Л. Лавровский, готовивший с ней партию Жизели: «Работать с Наташей радостно, но и очень трудно. Есть артисты, буквально на лету ловящие все указания постановщика и умеющие моментально их реализовать. К ним никак нельзя отнести Бессмертнову. Она может выполнить только то, что глубоко ею понято и принято. Все остальное воспринимается как фальшь, а

фальшь ей органически чужда. Поэтому, работая с Наташей над «Жизелью», я старался целиком подчиниться индивидуальности балерины, стремясь лишь к наиболее полному ее раскрытию».

Художники с такой поразительно неповторимой индивидуальностью встречаются крайне редко, и роли для них — наперечет. Может быть, поэтому в репертуаре Бессмертновой оказалось не так уж много партий. Она еще не станцевала Раймонду, и жаль, если никогда не будет Никией из «Баядерки».

...Однажды я была на вечернем спектакле с Бессмертновой. А утром пришла в балетный класс Р. Карельской посмотреть одну молодую танцовщицу, о которой собиралась написать. И вдруг увидела, что в класс вошла Бессмертнова, хотя после вчерашнего спектакля она могла и не явиться на урок. Мгновенно сосредоточилась, собралась, взгляд ушел в себя. Не смогу этого объяснить, но чувствовалось, что балерина никого не видит, отрешена, словно в зале только двое — она и педагог. А между тем целый класс танцовщиц делал те же движения, что и Бессмертнова. Что может быть однообразнее заданности этих упражнений! Но я глаз не могла отвести от балерины, забыв, что пришла смотреть не ее.

Сухая математика экзерсиса оживала, преображалась в гармонию удивительной пластики. Это было чудо, такое же, какое она творила на спектакле вчера. Однако там — свет, костюм, декорации, а здесь — черное

трико, небрежно заколотые волосы, лицо без грима. Но никогда еще Бессмертнова не казалась мне такой прекрасной, как сейчас, на уроке, уставшая, с взмокшими волосами. Ни на секунду не сбавляя темпа, легко она отработала до последнего сложного прыжка весь положенный час.

Это был труд, но труд красивый, вызывавший зависть к человеку, который может так работать. Пожалуй, именно после этого урока я стала относиться к искусству Бессмертновой не просто с восхищением, но с чувством почтительного уважения к ее подвижническому труду.

О человеческих качествах актрисы говорит, я думаю, вот такой пример. Танцовщик кордебалета Большого театра поставил в планетарии балет. Первая постановка, неуверенность в

своих силах. И он попросил Бессмертнову посмотреть. Она приехала в планетарий, смотрела спектакль, с чем-то не согласилась, что-то посоветовала, одобрила. А ведь как важно для начинающего просто доброе слово мастера. Теперь этот танцовщик — студент балетмейстерского отделения ГИТИСа.

Конечно, рассказать все о Бессмертновой трудно. Но и сказанное, может быть, позволяет понять, что советское хореографическое искусство обладает одной из интереснейших балерин, продолжающей в мелодии своего танца лучшие традиции русского балета.

Г. ГОГОТИШВИЛИ.

НА СНИМКЕ: Наталья Бессмертнова — Аврора в балете П. И. Чайковского «Спящая красавица».

Фото А. Коньнова (ТАСС).